

С. Н. Ковалев

О МЕРАХ ЛАТВИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ,
ВЫЗВАННЫХ НАЧАЛОМ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Представлен анализ деятельности правительства Латвии, направленной на преодоление экономических и социальных проблем страны в сложный период начала Второй мировой войны.

This article offers an analysis of the actions of Latvian government aimed to solve the economic and social problems in the difficult period of the beginning of World War II.

Ключевые слова: внутриполитическая ситуация, правительство, хозяйственная повинность, трудовая централь, сельскохозяйственные работы, экономика, экспорт.

Key words: internal political situation, government, economic duty, placement service, agricultural labour, economy, export.

В публикациях, посвященных событиям, происходившим в Эстонии, Латвии и Литве осенью 1939 — летом 1940 г., отмечается, что «внутриполитическая ситуация в этих государствах была далеко не “идиллической”» [1, с. 259]. Сложившееся положение в Прибалтике, по мнению авторов, было вызвано недовольством части населения авторитарными режимами и проводимой ими социальной политикой, вызвавшими рост левых настроений [там же]. В итоге летом 1940 г. в состав новых правительств прибалтийских государств вошли представители интеллигенции — деятели науки, образования и культуры [там же, с. 264]. Но непосредственно сами проблемы, отражающие обострение экономического положения в Эстонии, Латвии и Литве, как мы считаем, не нашли достаточного рассмотрения.

Осенью 1939 г. наряду с пактами о взаимопомощи между СССР и балтийскими странами были подписаны и торговые соглашения, по которым они начали получать нефть, железо, хлопок и другие сырьевые товары. Это существенно компенсировало утрату значительного объема нарушенных в результате войны торгово-экономических связей с западными государствами. Так, Латвия получила возможность экспортировать продукцию своего сельского хозяйства — животноводства, птицеводства, растениеводства, целлюлозно-бумажной промышленности. Внешнеторговые обороты прибалтийских государств с СССР увеличивались в несколько раз: Латвии — в 4 раза, Литвы — в 2, Эстонии — в 4,5 [2, оп. 21, п. 30, д. 11, л. 28].

О договоре латвийская пресса писала: «...Теперь Латвия... обеспечила себе различное сырье», которое необходимо «для дальнейшей работы наших промышленных предприятий» [2, оп. 21, п. 30, д. 11, л. 28]. Вместе с тем выполнение внешнеторговых обязательств требовало принятия руководством государства мер, направленных на увеличение объема продукции сельского хозяйства, составлявшего основу экспорта [4, оп. 22, п. 31, д. 16, л. 198].

С осени 1939 г. одной из главных проблем в Латвии стал поиск сезонных рабочих для сельскохозяйственных работ. Министр земледелия Латвии Я. Бирзнекс, выступая 5 ноября 1939 г. на открытии выставки «Труд и отдых в Либаве», отмечал: «В настоящий момент рабочие руки каждого гражданина оценены еще больше, еще более ценны» [2, оп. 22, п. 31, д. 17, л. 18]. Расчеты латвийского правительства показывали, что в 1940 г. из-за дефицита рабочей силы в стране может быть освоена только половина «предусмотренных государственными и коммунальными бюджетами работ» [4, оп. 22, п. 31, д. 14, л. 4].

Директор Латвийской трудовой централи (ЛТЦ) А. Шмит 8 ноября 1939 г. на собрании учителей основных школ говорил, что ранее для сезонных сельскохозяйственных работ привлекали иностранных рабочих, но в сложившихся условиях встал вопрос о призыве к этому широких слоев населения Латвии [2, оп. 22, п. 31, д. 17, л. 19].

С ноября 1939 г. ЛТЦ в рамках подготовки «к рабочему сезону будущего лета и весны» предложила старшеклассникам зарегистрироваться для добровольной трудовой повинности «минимум на месяц, а если потребуется — и больше» [там же]. Для развития инициативы

предлагалось «ввести в 2-х последних классах основных школ трудовую повинность» [4, оп. 22, п. 31, д. 15, л. 114].

В целях организации «такой повинности во всей стране» Латвийской централью был разработан «Порядок найма платной рабочей силы в Риге, Либаве, Елгаве, Даугавпилсе и Виндаве», в соответствии с которым работодатели могли «принимать... рабочую силу... исключительно с разрешения Латвийской трудовой централи» [2, оп. 22, п. 31, д. 17, л. 19]. Сведения «о рабочей силе» необходимо было направлять именно туда [там же].

В латвийской прессе проблема рекрутизации населения на сельхозработы получила широкое освещение. В газете «Брива Земе» 1 декабря 1939 г. писали: «Но нет никакого оправдания тому, что многие тысячи рабочих рук бездельничают... Последний срок подумать, как уничтожить бездельников. <...> Если какой-нибудь работоспособный гражданин не может доказать, на какие средства он проживает и где работает, ему следует дать срок для приискания работы. <...> Граждан, не желающих... работать, следует разбить в особые трудовые колонии, с размещением в тех отраслях, где больше всего ощущается недостаток рабочих рук. Граждане, которых... нельзя будет приучить к честному труду, должны помещаться в трудовые дома или подобные помещения со строгим трудовым режимом» [там же, л. 109]. Т.е., по сути, ставился вопрос о применении санкций к лицам, уклоняющимся от трудовой повинности.

В статье «Два вопроса», опубликованной в газете «Брива Земе», ставился вопрос о неэффективности мероприятий, направленных на призыв населения к сельхозработам: «Но делаем ли мы что-либо для привлечения к труду имеющейся еще в стране собственной рабочей силы? <...> Не нужно стесняться в средствах для влияния на тех, кто бежит от работы. <...> Не было ли бы уместно... возбуждать вопрос о рабочих батальонах?» [7, оп. 22, п. 31, д. 12, л. 19]. Предлагалось запретить выезд граждан из сельской местности в города для последующего трудоустройства на промышленных предприятиях: «Не пора ли побудить руководителей частных предприятий в Риге не принимать больше на работу выходцев из деревень? Искателей легкой жизни» [там же].

По вышеуказанной проблеме ЛПЦ выступила с заявлением о том, что «в скором будущем придется дать работу и тем безработным, которые вообще не работают, и неизвестно на какие средства проживают. Для них найдется работа на разработках торфа, в кирпичных заводах и лесах» [2, оп. 22, п. 31, д. 17, л. 114].

В марте 1940 г. латвийское правительство было вынуждено признать, что по мере развития событий в Европе экономическое положение страны будет все более усложняться. Об этом на конференции инспекторов народных школ 16 марта 1940 г. министр торговли и промышленности Я. Блумберг заявил: «Когда месяцев шесть тому назад начались военные действия, со всех сторон Латвии, как нейтральной стране, предсказывалось “золотое время”, ибо естественно, что в военное время возникает большой спрос на различные товары со стороны воюющих стран, и мы могли бы потребовать за них любые цены. <...> Теперь мы можем сказать, увы, что предсказание это не сбылось. <...> При нынешних обстоятельствах — мы даже в худшем положении в вопросе нашего экспорта, чем импорта». За ввозимые товары, например железо, латвийская сторона платила Германии в 1,5–2 раза больше по сравнению с довоенными ценами [2, оп. 22, п. 30, д. 12, л. 38].

В таких условиях латвийское руководство было вынуждено принять Закон о перенятии государством во временное пользование частного имущества [там же, л. 64].

Военные действия Германии в Дании и Норвегии, начавшиеся 9 апреля 1940 г., в Латвии вызвали опасения дальнейшего ухудшения экономической ситуации в стране. Министр общественных дел Латвии А. Берзиньш в выступлении 10 апреля 1940 г. на собрании работников скотоводства отмечал: «Последствия этой борьбы отозвались и на хозяйстве Латвии, почему и пришлось сократить в потреблении различных товаров» [там же, л. 116].

В прессе приводились цифры, отражающие снижение жизненного уровня в Латвии: «...теперь мы для удовлетворения жизненных потребностей на испрашиваемые 100 латов получаем ценности, которые до войны получили бы за 92–94 лат...» [2, оп. 21, п. 30, д. 13, л. 3].

Департамент торговли и промышленности 19 апреля 1940 г. издал распоряжение «о сокращении работ и числа рабочих на предприятиях Риги и Либавы в летнем сезоне 1940 г. на 4 месяца» [2, оп. 31, п. 30, д. 12, л. 131]. Высвободившихся рабочих планировали направить на заготовку дров, торфа для обеспечения жизнедеятельности «в зимнем сезоне 40/41 гг.» [там же].

Министр торговли и промышленности Латвии Я. Блумберг считал, что для обеспечения необходимого сырья для экономики страны необходимо «расширять имеющиеся рынки», в

первую очередь увеличивать продажу в Советский Союз «сельхозпродуктов и фабрикатов именно тех групп, экспорт которых во всех направлениях сократился» [2, оп. 21, п. 30, д. 13, л. 74].

Латвийский кабинет министров 17 мая 1940 г. принял постановление по стимулированию рабочих промышленных и ремесленных предприятий, «которые ввиду сокращения работ получают отпуск без сокращения оклада и летом перейдут... на с./хоз. работы» [там же, л. 82]. Им предусматривались так называемые «выжидательные» выплаты в размере 5 латов по уходу за детьми в возрасте до 11 лет и для взрослых, находящихся на иждивении тех, кто трудился на сельскохозяйственных работах. Также разрешалась частичная оплата квартплаты (от 5 до 10 латов в месяц) начиная с 1 мая [там же].

Постановление латвийского правительства от 17 мая 1940 г. получило свое воплощение в распоряжении директора департамента торговли и промышленности от 25 мая «о сокращении работ в промышленных предприятиях на 4 летних месяца 1940 г.» [там же, л. 106]. Его обязаны были выполнять промышленные и ремесленные предприятия, численность которых составляла 5 и более человек [там же]. Число рабочих должно было быть сокращено в среднем на 17,8 %.

Правительством осуществлялся контроль над наличием различных товаров, сырья и их продажей потребителям. Так, согласно распоряжению министра торговли и промышленности от 23 мая до 12 часов 25 мая предприниматели письменно обязаны были зарегистрировать товары и сырье, «если они превышают» следующий вес: олово — 5 кг, медь — 50 кг, нефть, керосин — 500 кг, вата — 50 кг, кожа — 200 кг [там же, л. 96]. Покупка и продажа этих товаров без разрешения инспекции цен или торгово-промышленного департамента запрещалась. За нарушение распоряжения грозил штраф до 50 тыс. латов и закрытие предприятия. Все предприятия, учреждения и частные лица обязывались на 1 и 15 число каждого месяца «сообщать инспекции цен количество проданных, купленных и имеющихся на складе товаров» [там же, л. 98].

Латвийское руководство, осуществляя деятельность по обеспечению жизнеспособности экономики страны, продолжало привлекать население к различным работам. Например, в речи министра народного благосостояния Я. Волонга, опубликованной в журнале «Правовой вестник» 27 апреля 1940 г., отмечалось: «Война, блокада морских путей и беспощадная хозяйственная борьба тяжело задевают и нашу хозяйственную жизнь, нашему правительству весьма часто приходится предпринимать чрезвычайные меры, чтобы обеспечить жителям нашей страны необходимые в их жизни и работе товары и сырье» [2, оп. 21, п. 30, д. 13, л. 12]. Министр призывал: «Надо работать так, чтобы каждый большой или маленький работник всегда был на высоте своих заданий» [там же].

Латвийский кабинет министров 28 мая 1940 г. принял Закон о хозяйственной деятельности [там же, л. 136—141]. В пункте 1 указывалось, что в целях развития, сохранения и обеспечения обороноспособности и хозяйственной деятельности государства «должны участвовать всеми своими физическими и духовными силами и своими материальными средствами все жители Латвии... учреждения, предприятия и организации, включаясь в государственную хозяйственную службу, исполнение которой регулирует сей закон» [там же, л. 136]. Он предполагал привлечение граждан к таким занятиям, «где это наиболее необходимо на благо народного хозяйства...» [там же]. Предусматривалось направление граждан на заготовку сырья, топлива, уборку урожая, оборонительные и другие работы, которые требует «хозяйственное положение» [там же, л. 138].

Законом определялись льготы для лиц, добровольно поступивших «на хозяйственную повинность»: преимущество при устройстве на постоянную работу; досрочное увольнение с работ по «хозяйственной повинности», если они там отработали не менее одного месяца (извещая об этом ЛТЦ); право «поступления на надзирательские посты на работах, указанных хозяйственной повинностью» [там же].

К хозяйственной повинности не привлекались: лица моложе 16 лет, старше 60 лет, военнослужащие, пограничники, профессиональные пожарные, «лица, потерявшие 50 % трудоспособности», и некоторые иные категории населения [там же].

Законом вводились книжки хозяйственной повинности, в которых производились отметки «о нахождении (пребывании) на хозяйственной повинности и об отработанном времени» [там же, л. 140], предусматривались пунктом 22 меры наказания нарушителей: заключение в особые лагеря, высылка из мест жительства и другие санкции. Для заключенных в особые лагеря согласно пункту 19 устанавливались оклады ниже обычных тарифов, специальные режимы труда и дисциплинарные нормы. Срок действия закона был установлен до 1 февраля 1942 г. [там же].

Президент К. Ульманис относительно вышеуказанного сделал следующее заявление: «Мы можем призвать на трудовую повинность, так же как и на военную службу, тех мужчин и женщин, которые ничего не делают, а только болтают...» [там же, л. 150]. Министр юстиции Г. Апситис комментировал положения закона: «В эпоху, которую мы переживаем, этот закон [о хозяйственной повинности] необходим, ибо он будет хорошим помощником в деле государственной обороны и организации труда. Закон... напоминает каждому жителю нашего государства об обязанности труда, которая — основа основ всей жизни» [там же].

Разъясняя шаги, предпринимаемые государством, министр общественных дел Латвии А. Берзиньш, выступая перед представителями женских организаций 31 мая 1940 г., призвал городских женщин предложить руку помощи селу, а также тем, кто «никогда в деревне не работал, и сообщил, что планом правительства предполагалось освободить от работы в промышленности до 9 тыс. человек, в том числе 5 тыс. женщин [2, оп. 21, п. 30, д. 13, л. 125]. Мужчины привлекались на «производство торфа, железнодорожные работы... лесные работы» [там же]. Женщинам-служащим, «которые пожелают провести известное время в деревне», будет предоставлен отпуск. Министр отметил: «Наоборот, те же, кто захочет жить без работы на курортах — отпусков не получат. Было бы хорошо, если бы бездетные люди предпочли жизнь в деревне, а не на курорте» [там же, л. 126].

Президент Латвии К. Ульманис, выступая перед выпускниками Гарсенской основной школы 2 июня 1940 г., говорил, что «20 тыс. человек молодежи выйдут в деревню на работу. <...> В университет и другие высшие учебные заведения не будет принят ни один человек, который не даст свидетельства о том, что он... проработал в деревне 6 недель» [там же, л. 150].

В латвийских газетах 4 июня 1940 г. было опубликовано распоряжение ЛТЦ о том, что до 8 июня все рабочие, направляющиеся из города «на сельскохозяйственные работы, должны зарегистрироваться в Бюро с./хоз. [сельскохозяйственных] рабочих ЛТЦ и в Управлении охраны труда». В трудовых книжках работодатели обязаны были сделать запись о предоставлении тем бесплатного четырехмесячного отпуска. ЛТЦ совместно с сельскохозяйственной камерой определили тарифы окладов за выполненные работы. Для примера: «за разрежение сахарной свеклы на полях, при питании работодателя», была установлена оплата в размере 28 сантимов за 100 погонных метров или 56 латов за обработанный гектар посевов. Оговаривалось, что в условиях работы на тяжелой почве (глина) допускалось повышение платы до 25 % [там же, л. 146].

Кабинет министров также принял постановление о дополнительных отпусках государственных и коммунальных служащих, участвующих в сельхозработах. Устанавливалось, что отпуска «могут быть предоставлены на срок до 3 месяцев по желанию работника или по усмотрению руководителя учреждения» [там же, л. 154]. Были утверждены размеры выплачиваемых работникам вознаграждений на период дополнительных отпусков: «при окладе до 100 латов — 85 %, до 200 — 75 %, но не меньше 85 латов в месяц, до 300 латов — 65 %, но не менее 150 латов в месяц, и при окладе свыше 300 латов в месяц — 55 %, но не менее 195 латов в месяц». Было решено, что «принятые или назначенные на работу в течение последних 5 лет работники будут уволены, если они не проработают до 1 октября 1941 г. минимум 3 месяца в сельском хозяйстве или на хозяйственной». С 10 июня по 1 октября запрещалось предоставлять отпуска, полагающиеся или неиспользованные за прошлые годы [там же, л. 154].

В результате проводимых мероприятий на 11 июня 1940 г. в соответствии с распоряжением «О сокращении производства промышленных предприятий» к сельхозработам были привлечены 5316 человек [2, оп. 21, п. 30, д. 13, л. 169].

Принимаемые меры позволяли сдерживать значительный рост цен, «особенно на предметы широкого потребления». На недостающие товары были введены карточки. Министр торговли и промышленности Я. Блумберг констатировал: «Разумеется, идеальным нынешнее положение назвать нельзя... когда восстановятся нормальные обстоятельства — наступит пора отменить эти ограничения» [там же, л. 171].

Распоряжением правительства от 17 июня 1940 г. было запрещено продавать потребителям «без разрешения инспектора, а потребителям приобретать для своих нужд шерстяные, полушерстяные и хлопчатобумажные материи в количестве, превышающем нормальную потребность». Ограничения также касались мужской обуви, обувных верхов и подошвенной кожи. Продавцы были обязаны «вписать на 28-ю страницу паспорта покупателя, когда, сколько и какого товара было продано». За невыполнение распоряжения на нарушителей налагались штрафы [там же, л. 192].

Газета «Брива Земе» 18 июня 1940 г. сообщала о постановлении ЛТЦ «организовать особые трудовые кружки молодежи в составе 10—30 человек для производства срочных

сельскохозяйственных работ». Молодым людям следовало провести «на сельскохозяйственных работах 4 и более недели, при работе 8—10 часов в день, за что будут получать вознаграждение». Возглавлять эти группы должны были учителя. На заседании совета латвийского союза учителей его председатель Нагель «огласил сообщение, что на сельскохозяйственные работы отправилось 8000 человек, т.е. почти 75 % учителей Латвии» [там же, л. 188].

Ввод дополнительных контингентов советских войск в Латвию 17 июня 1940 г. не повлиял на деятельность латвийского правительства по соблюдению режима экономии и привлечению населения к сельхозработам [там же, л. 186]. Ситуацию того периода характеризует статья «Спокойный дух» в газете «Тэвяс саргс» от 21 июня 1940 г.: «правительственные распоряжения последних дней» должны были стать реакцией на волнения «в широких массах населения», но «теперь регулируют нормальный денежный оборот и правильное распределение съестных припасов» [там же, л. 199].

В стране происходили изменения, связанные со сменой власти. Сформированный 20 июня 1940 г. новый кабинет латвийского правительства 21 июня принял ряд законов, в том числе о ликвидации централи труда, созданной для организованного использования рабочей силы в мае 1939 г. [3, с. 415—416].

Кабинет министров 26 июня 1940 г. аннулировал «дополнение к закону о государственной и городской коммунальной службе, предусматривавшее обязательное проведения работниками известного срока на с./хоз. [сельскохозяйственных] работах». Было также принято решение о ликвидации должности «попечителя бережливости» [2, оп. 21, п. 30, д. 13, л. 217].

Министр общественных дел П. Блаус, выступая по радио, заявил, что смена правительства Ульманиса означает восстановление демократии в Латвии, «победившей старое шутokratическое правительство, вместе с которым свергнут и старый режим, притеснение и несправедливость», и напрасно искать в его деятельности желание «считаться с широкими кругами населения или принципами социальной справедливости...» [2, оп. 21, п. 30, д. 13, л. 231].

Однако смена власти в Латвии и отмена обязательного участия в сельхозработах не влекли за собой сиюминутное изменение прежнего экономического курса страны. После опубликования 5 июля 1940 г. постановления о выборах в сейм [там же, п. 31, д. 14, л. 11] в передовицах латвийских газет отмечалось: «Не должно произойти, чтобы по чисто психологической обстановке пострадало хозяйственное благосостояние нашей страны. <...> С тем большей тщательностью и разумом обдумаем каждый, как повысить урожай нив и стад, как использовать продукты». Обращаясь к сезонным сельскохозяйственным рабочим, газеты писали, что те «...тоже должны знать, что от них зависит наш урожай. <...> Трудовые договоры нельзя легкомысленно нарушать» [там же, л. 16]. Вместе с тем был отменен «изданный прежним правительством закон о неприменении восьмичасового рабочего дня в сезонных работах» [там же, п. 30, д. 7, л. 7]. Новое латвийское руководство считало, что предпринятые меры по повышению зарплаты, улучшению условий и охраны труда будут способствовать поддержанию дисциплины и организованности [там же].

Оценивая экономическое сотрудничество с СССР в сложный период, обусловленный развязыванием Второй мировой войны, министр юстиции Латвии Ю. Любэрэс в радиоречи 6 июля 1940 г. сказал, что сотрудничество с Советским Союзом не только убергло Латвию от разрушительной классовой борьбы, но одновременно «обеспечило и нашу государственную самостоятельность и развитие нашей истинно национальной культуры и хозяйства» [там же, д. 3, л. 24].

Список источников и литературы

1. Чубарьян А.О. Канун трагедии: Сталин и международный кризис: сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2008.
2. АВП РФ. Ф. 210.
3. Полтреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией: август 1939 — август 1940 гг. М, 1990.

Об авторе

Сергей Николаевич Ковалев — канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации, e-mail: milhistory@yandex.ru

Author

Dr. Sergey Kovalev, Leading Research Fellow, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, e-mail: milhistory@yandex.ru